

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 6**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 6 / Нет автора – М.: Книга по Тре-
бованию, 2021. – 314 с.

ISBN 978-5-458-04656-5

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04656-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Еще о задачахъ журнала.

Въ трехъ статьяхъ отъ редакціи, въ первой, третьей и четвертой книгахъ журнала, были достаточно полно и точно выяснены,—казалось намъ,—и *задачи* журнала „Вопросы философіи и психологіи“, и *способы выполненія* ихъ въ будущемъ. Но нѣкоторые органы печати упорно хотятъ навязать намъ тенденціи, совершенно намъ чуждыя и никогда не могущія стать руководящими началами нашей дѣятельности.

Если въ нашемъ журналѣ являлось до сихъ поръ преобладающимъ одно направленіе, называемое идеалистическимъ или, по методу, метафизическимъ, то такой фактъ былъ слѣдствіемъ господствующихъ среди большинства сотрудниковъ философскихъ воззрѣній, интересовъ и симпатій.

Мы не подбирали тенденціозно матеріала съ цѣлью группировки его подъ извѣстнымъ предвзятымъ угломъ зрѣнія, да и не могли этого дѣлать, такъ какъ избранный психологическимъ обществомъ редакціонный комитетъ—высшая инстанція въ рѣшеніи судьбы доставляемыхъ редакціи статей—состоитъ изъ лицъ различныхъ научныхъ специальностей, съ разными міросозерцаніями и направленіями мысли. Мы требовали только, чтобы присылаемыя статьи обнаруживали достаточное критическое знакомство съ исторіей науки и философіи и способность авторовъ къ строгой логической работѣ мышленія *). Вѣдь дѣло идетъ, говорили мы въ началѣ, не о выраженіи субъективныхъ мнѣній и добрыхъ желаній, а

*) См. книгу I-ю „О задачахъ журнала“, стр. XIV—XV.

о продолженіи той объективной работы философскаго познания и самопознания, которая началась въ Европѣ почти двадцать пять столѣтій тому назадъ и, съ болѣе или менѣе значительными перерывами, успѣшно продолжается донинѣ. У насъ въ Россіи „философствующихъ“ людей много, но людей дѣйствительно знакомыхъ съ исторіею и основными задачами философіи, очень мало.

При обсужденіи отдѣльныхъ философскихъ вопросовъ, знакомство съ прошлыми судьбами философіи иногда съ успѣхомъ возмѣщается обширной спеціальной эрудиціей — глубокимъ знаніемъ математики, естественныхъ наукъ, особенно біологическихъ, или наукъ соціальныхъ. И мы особенно благодарны тѣмъ ученымъ, которые съ точки зрѣнія своей особой научной спеціальности пытаются помочь намъ въ правильной постановкѣ общихъ философскихъ проблемъ. Наконецъ есть случаи, когда знаніе прошлой исторіи философіи и современныхъ спеціальныхъ наукъ замѣняется художественною силою синтеза и интуитивнаго проникновенія въ затаенный смыслъ явленій жизни и психическихъ отношеній личностей. И носители такого особаго, но рѣдкаго природнаго дара, могутъ съ великою пользою, хотя и косвенно, послужить задачѣ выработки общаго міросозерцанія и сознательныхъ идеаловъ жизни.

Но когда нѣтъ ни того, ни другого, ни третьяго—ни знакомства съ философіей, ни научной эрудиціи, ни художественно-литературнаго генія, то остается молчать и учиться: одною доброю волею достигнуть философскаго истолкованія смысла жизни и основныхъ проблемъ знанія невозможно.

Итакъ, не по редакторскому произволу большая часть работъ, помѣщаемыхъ въ журналѣ, проникнута была идеалистическою окраской. Мы лично убѣждены, что безъ нея глубокое разрѣшеніе философскихъ проблемъ и не можетъ быть достигнуто, но это—наше личное убѣжденіе, отъ котораго судьба присылаемыхъ въ редакцію статей не зависитъ. Все талантливое и ученое, логически-продуманное и литературно-обработанное, что не подходитъ подъ указанное направленіе, найдетъ себѣ и уже находило мѣсто на страницахъ нашего журнала.

Но намъ стараются навязать, какъ мы сказали выше, инныя задачи и, даже прямо, тенденціи. Намъ хотять сдѣлать изъ искреннихъ и безпристрастныхъ *искателей* истины, какими мы желали-бы быть, — изъ поборниковъ *всесторонняго* анализа явленій жизни и философскаго синтеза разрозненныхъ теченій современной мысли въ одно цѣльное міросозерцаніе, — борцами за политическіе флаги и литературные пароли отжитой и выродившейся эпохи русскаго самосознанія.

И странно: тѣ самые органы печати, которые радуются появленію у насъ „серіознаго философскаго журнала“ и даже признають за нимъ право на извѣстное руководительство въ развитіи общественнаго сознанія, сами берутся въ свою очередь съ высокоуміемъ насъ учить не только тому, что мы должны дѣлать, съ чѣмъ и противъ кого бороться, но даже и тому, что мы должны понимать подъ истинной и неистинной философіей, какою кругъ задачъ должны включить въ эту науку, или систему наукъ, и какъ должны ихъ разрѣшать. Всего печальнѣе то, что эти судьи, сами имѣющіе лишь весьма сомнительное знакомство съ философіей и ея основаніями, — смѣло раздавая лавры и дипломы на званіе истинныхъ философовъ, — въ то-же время ревниво отрицають право принять участіе въ современномъ философскомъ движеніи для образованныхъ публицистовъ другихъ направленій, которые и съ философіею, по крайней мѣрѣ современной, хорошо знакомы, и про-являли не разъ способность оригинально мыслить и строго логически проводить свои убѣжденія.

Конечно подкладкой такой нетерпимости являются все тѣ-же литературно-политическіе флаги, значеніе которыхъ для нашего дѣла мы безусловно отвергаемъ. Всякій зрѣлый и разумный человѣкъ имѣетъ свои политическія убѣжденія, — философское міросозерцаніе конечно находится не только въ связи съ этими убѣжденіями, но даже, какъ показываетъ исторія развитія европейской мысли, большая часть политическихъ теорій, и въ древности, и въ новое время, возникала на почвѣ тѣхъ или другихъ философскихъ ученій о мірѣ и о жизни. Тѣмъ не менѣе едва-ли настала для русскихъ философовъ

пора построения политическихъ теорій, не только вслѣдствіе внѣшнихъ условий развитія русской мысли, но и потому, что зрѣлыя политическія ученія должны основываться на законченномъ нравственномъ міросозерцаніи, которое въ свою очередь можетъ получить научное основаніе лишь на почвѣ строго продуманной психологіи человѣка, теоріи знанія и ученія о мірѣ. Мы призывали и призываемъ мыслящихъ людей нашей родины именно, и прежде всего, къ разработкѣ основныхъ теоретическихъ проблемъ философіи, къ общему и дружному обсужденію коренныхъ вопросовъ знанія, бытія, и человѣческаго существованія—съ точки зрѣнія новыхъ данныхъ спеціальныхъ наукъ и современныхъ философскихъ изслѣдованій,—и только этимъ путемъ можно надѣяться приобрести твердыя точки опоры для построения нравственнаго міровоззрѣнія, имѣющаго философскую цѣну и могущаго послужить основаніемъ для новыхъ политическихъ ученій. Такія ученія могутъ быть созданы не журналомъ, а лишь отдѣльными даровитыми личностями, какъ это и было всегда, и есть въ настоящее время, ибо и теперь можно указать у насъ по крайней мѣрѣ на двухъ-трехъ талантливыхъ мыслителей, которые, выработавъ разными путями свои философскія міросозерцанія, проповѣдуютъ обществу, на свой собственный страхъ, свои нравственныя и политическія убѣжденія. И прекрасно: дай Богъ, чтобы людей въ законченными философскими воззрѣніями было у насъ больше. Журналъ нашъ, пробуждая широкій обмѣнъ мыслей, можетъ ускорить и облегчить созрѣваніе философскихъ дарованій, но не его дѣло становится подѣ знамя выработанныхъ другою эпохою, большею частью *заимствованныхъ* политическихъ доктринъ,—какъ не дѣло современныхъ представителей этихъ отживающихъ доктринъ, въ свое время возникшихъ на почвѣ извѣстныхъ философскихъ ученій, предписывать свою политическую вѣру русскимъ философамъ современности.

Да и что это за вѣра? Лучшія человѣчныя побужденія сплошь и рядомъ отрицаются, служеніе обществу истолковывается какъ исключительное служеніе злбамъ дня, инте-

ресамъ своего народа и племени, или еще хуже, партіи, сословія, общественнаго класса. Самыя идеи челоѣчества и челоѣчности грубо осмѣиваются, ненависть въ ближнему безъ всякаго стыда объявляется добродѣтелью, а любовь въ людямъ — непростительной слабостью. Высокіе замыслы достигнуть мира и единенія между людьми отстраняются, какъ неосуществимыя и вредныя для общества утопіи, ложь и лицемѣріе выдаются за проявленія гражданской зрѣлости. Въ виду такихъ явленій неудивительно, что скептики ищутъ источника всякихъ чистыхъ и добрыхъ стремленій—или въ скрытыхъ побужденіяхъ эгоизма,—или въ традиціяхъ общественныхъ движеній, происходившихъ десятки лѣтъ тому назадъ, какъ будто нынѣ уже стало невозможно возникновеніе новыхъ чистыхъ и добрыхъ побужденій.

Всѣ честные и серіозные люди, хотя-бы и различныхъ міросозерцаній, должны соединиться во имя общаго врага—тѣхъ паразитовъ мысли и общественнаго дѣла, которые думаютъ запугать общество призраками прошлыхъ ошибокъ и крайнихъ увлеченій, чтобы получить право на отрицаніе самыхъ святыхъ заѣтовъ прошедшихъ поколѣній и лучшихъ нравственныхъ идеаловъ гениальныхъ мыслителей всѣхъ вѣковъ.

Всего хуже то, что *человѣко-ненавистничество* проповѣдуется у насъ часто подъ знаменемъ православія и національной идеи. А между тѣмъ идеалы русскаго народнаго самосознанія, русскаго христіанскаго міровоззрѣнія всегда были иные.

Истинно-русскій челоѣкъ, христіанинъ, по убѣжденію лучшихъ представителей русскаго самосознанія, полонъ благоволенія ко всему челоѣческому,—къ добру, красотѣ и правдѣ *въ каждомъ смертномъ*. Для него нѣтъ именъ, нѣтъ званій и положеній, а есть только другая челоѣческая личность, ищущая правды и добра, заключающая въ себѣ искру Божію, которую слѣдуетъ найти, пробудить, истолковать.

Такимъ искателемъ искры Божіей во всѣхъ людяхъ, даже дурныхъ и преступныхъ, былъ нашъ русскій мыслитель Достоевскій. Достоевскій—одинъ изъ самыхъ типическихъ выражителей тѣхъ началъ, которыя, по нашему глубокому убѣжде-

нію, должны лечь въ основаніе нашей своеобразной національной нравственной философіи.

Миролюбіе и кротость, любовь къ идеальному и открытіе образа Божія даже подъ оболочкою временной мерзости и позора—вотъ идеаль русскаго мыслителя, мечта русской нравственной философіи. Пусть невѣжественные гордецы глумятся надъ „человѣкомъ“ и „человѣческимъ“,—они—не русскіе мыслители. Лицемерно скрываясь подъ знаменемъ лжеправославія и народности, они совершенно чужды истинному духу русскаго христіанскаго народа, ибо самое превознесеніе идеи „православія“ надъ идеею „христіанства“ и ученіемъ Христа съ точки русскаго человѣка — кощунство. Если есть у насъ что-нибудь особенное и по-истинѣ святое въ преданіяхъ народной мысли, то это именно — смиреніе, жажда духовнаго равенства, идея соборности сознанія.

Всякое исключительное отстаиваніе своей личности, своей односторонней личной правды—есть грубое самозванство, есть подражаніе духу чуждому, иноземному. Всякое глумленіе надъ правдою только потому, что она *не моя* правда, есть оскорбленіе правды—вѣчной, обще-человѣческой. Если русскому народу суждено получить значеніе въ будущихъ судьбахъ человѣчества, то лишь какъ носителю великой истины взаимнаго дополненія духовныхъ личностей, нравственнаго единенія всѣхъ людей,—превознесенныхъ и униженныхъ, знающихъ и только ищущихъ знанія и правды.

Пусть близорукіе приверженцы начала личной и національной исключительности проповѣдуютъ взаимную ненависть, нетерпимость, гнетъ надъ убѣжденіями и совѣстью, — *русскій философскій журналъ* не пойдетъ за ними. Его задача—дать полный просторъ русской мысли, *искренней проповѣди чело-вѣчнаго добра и вселенской правды*, какія-бы выраженія она ни принимала.

Николай Гротъ.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ.

Нравственность и естествознаніе.

Объ искателяхъ правды.

Предлагаемая статья составляетъ только часть задуманной мною работы. Это—краткій „опытъ“, въ которомъ мнѣ хотѣлось высказать свое представленіе о реальныхъ основахъ высшей человѣческой нравственности. Онъ представляетъ нѣчто законченное, а потому можетъ быть предложенъ читателямъ независимо отъ того, будетъ или не будетъ продолженія.

Пробѣгая мои страницы, можно усмотрѣть и предвидѣть, въ чемъ должно состоять это продолженіе.

Вопервыхъ, самыя основы нравственности, мною представляемыя, могутъ подлежать обсужденію гораздо болѣе подробному.

Вовторыхъ, для полного развитія моей темы, важно рассмотреть конкретныхъ приложений выставляемой мною нравственной основы къ различнымъ сторонамъ человѣческой дѣятельности.

Удастся или не удастся мнѣ обработать слѣдующіе за печатаемымъ теперь „опыты“,—во всякомъ случаѣ то, что здѣсь предлагается, достаточно округлено и, какъ уже сказано, составляетъ нѣчто законченное.

Долговременный опытъ жизни мнѣ показалъ, что нѣтъ почти человѣка, который, хотя-бы на днѣ своей души, не таилъ нравственнаго огня, называемаго христіанскою любовью. У меня есть хорошіе знакомые, считающіе себя убѣжденными матеріалистами, но живущіе и дѣйствующіе на основаніи этого великаго принципа, прилагая его въ своихъ поступкахъ нисколько не менѣе чѣмъ убѣжденные вѣрующіе, а иногда и гораздо полнѣе. Это значить, думается мнѣ, что большинство если и не признаетъ самаго принципа, то содержитъ его въ себѣ и руководится имъ, нерѣдко даже безсознательно, въ большей или меньшей степени. Все дѣло въ томъ, насколько христіанская основа примѣняется къ жизни, насколько каждый сѣумѣлъ — или возмогъ — подчинить ей свои поступки и дѣла.

Свѣтскій человѣкъ и монахъ, матеріалистъ и вѣрующій мистикъ, крестьянинъ и ученый, мало того, — буддистъ, конфуціонистъ, даже еврей и магометанинъ, — словомъ, люди всѣхъ вѣрованій и всякихъ общественныхъ положеній, всегда между собою сойдутся при обсужденіи частныхъ поступковъ людскихъ и въ главнѣйшихъ чертахъ сѣумѣютъ опѣнить добро и зло въ человѣческихъ дѣйствіяхъ въ одномъ и томъ-же смыслѣ. Еслибъ этого не было, люди не могли-бы другъ друга понимать, не могли-бы ни въ чемъ между собою толковаться. Даже полудикіе люди, находящіеся повидимому въ самыхъ неприглядныхъ, суровыхъ условіяхъ, — и тѣ одарены священной искрою любви къ ближнему. Въ этомъ отношеніи необыкновенно интересно, напримѣръ, описаніе быта Сидячихъ Чукчей, сдѣланное знаменитымъ и ученымъ мореплавателемъ, Норденшельдомъ *). Этотъ народецъ — Сидячіе Чукчи — живетъ на самомъ берегу Сибирскаго Ледовитаго океана, въ самой восточной части берега, за предѣлами лѣсной растительности. Климатъ тѣхъ странъ коротко характеризуется тѣмъ, что первый весенній цвѣтокъ предсталъ экипажу Веги, зимовавшей на Чукот-

*) *Nordenskiöld: Die Umsegelung Asiens und Europa's auf der Vega 1878 — 1880. Leipzig, 1882.*